

МЕЛАНИ РААБЕ

ИСТИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
P12

DIE WAHRHEIT
by Melanie Raabe

Серия «На грани: роман-исповедь»

Печатается с разрешения издательства btb Verlag, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency

Перевод с немецкого *Анны Бровот*

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Фотография автора на обложке *Christian Faustus*

Раабе, Мелани.

P12 Истина / Мелани Раабе; [пер. с нем. А. Г. Бровот]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (На грани: роман-исповедь).

ISBN 978-5-17-103120-6

Во время командировки в Южную Америку бесследно исчез богатый бизнесмен Филипп Петерсен. Его жена Зара семь лет ждала хоть каких-то известий о нем. Однажды ей звонят из Министерства иностранных дел и сообщают, что ее муж жив и возвращается в родной Гамбург. Зара очень взволнована, вся она — комок нервов. Как они встретятся? Что будет дальше? Где был Филипп все эти годы?

...По трапу самолета спускается большая делегация. Зара напряженно вглядывается в лица. Но среди них она не видит своего мужа. К ней подводят незнакомого мужчину. И Зара понимает, что это — не Филипп.

Кто этот незнакомец, что ему нужно? И почему он угрожает ей?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-103120-6

© 2016 by btb Verlag, München,
a division of Verlagsgruppe Random
House GmbH, München, Germany
© Бровот А.Г., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Да что мне истина? Я счастья хочу.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Мир померк. Померкло надо мною солнце.

Стою, запрокинув голову. Смотрю во все глаза. Из всех сил стараюсь вобрать в себя всю полноту момента. Запечатлеть его в памяти. Стараюсь отмести все прочие мысли. Тихо, почти торжественно, шумят деревья. Только птицы в верхушках крон совершенно равнодушны к происходящему. Они отчаянно пронзают темноту своим пением, как будто сейчас для них решается вопрос жизни и смерти. Померкло солнце, а я так и стою, я наслаждаюсь его созерцанием. Все тепло ушло. И свет тоже.

Это не первое солнечное затмение, какое мне довелось пережить. А то, первое, я вспоминаю с улыбкой вопреки всему. Тогда Филипп порывался сбежать от городской суеты в лес. Ему не терпелось проверить свою теорию о том, что птицы с наступлением затмения разом умолкают. А мне хотелось остаться в городе. И наслаждаться зрелищем в компании приятелей. Хотелось, чтоб мы собрались, — молодые, безрассудные и взволнованные происходящим, да нацепили бы на нос специальные очки. Мне удалось его переубе-

Мелани Раабе

дить. Это было нетрудно. В то время Филипп с удовольствием поддавался на уговоры, о чем ни попроси. Он предпринял последнюю попытку: мол, одним в лесу куда романтичнее.

— Не будь пошляком! — сказала я, и он рассмеялся. Мы остались. В городе, с друзьями.

Странно, но я уже не помню, как выглядело потемневшее солнце. Прекрасно помню все, что творилось вокруг, помню несусветную чушь, какую несли приятели, помню музыку, доносившуюся из радиоприемника. Помню запах сгоревших колбасок — кто-то из нас затеял гриль, а потом о нем благополучно забыли, я помню руку Филиппа в моей руке. Помню, мы в какой-то момент сняли очки, потому что они мешали целоваться. Мы держались за руки и пропустили самое главное. Тогда мы впервые заговорили о будущем. Прежде я старалась избегать разговоров на эту тему, я не верила, что будущее и впрямь наступит. Следующее затмение в наших широтах ожидалось вроде бы в 2015 году, а потом — только в 2081-м. Цифры несли в себе что-то конкретное, цифрам я доверяла. Мы прикинули: Филиппу стукнет тогда почти сороковник, ну, а мне всего-то тридцать семь. Неужто мы доживем до такого возраста, предложение показалось нам абсурдным и вызвало приступ смеха. Мы дали друг другу слово в следующий раз быть внимательнее и увидеть черное солнце непременно, и непременно в лесу, чтобы Филипп проверил свою теорию. Ту самую, о птицах.

Я стою в лесу, посреди небольшой поляны. Одна. Мне тридцать семь. Не отрываясь, смотрю на гигантское черное солнце, которое тоже буравит меня своим

Истина

оком, и задаюсь вопросом: а видит ли Филипп этот шар? Виден ли он вообще оттуда, где Филипп сейчас находится? Я думаю о том, что следующее затмение наш сын встретит в семьдесят пять. Что не будет уже меня, не будет уже Филиппа. Что этот день и этот час — наш последний шанс. Не схожу с места, наблюдая, как месяц закрывает собой последние миллиметры солнца, и тут меня осеняет: Филипп оказался не прав! Трели, которые выводил вездесущий пернатый оркестр, не утихли ни на миг. Интересно, порадовался бы этому Филипп, или огорчился бы? Не все ли равно, — отвечаю я сама себе. Филиппа больше нет. Филипп канул в воду. Филипп исчез. Филипп дошел до края мира и упал.

И в эту секунду птицы умолкли.

2

У парикмахера было красивое лицо с выдающимися скулами и тонкие, почти женственные руки. Войти в салон я решила не сразу. Прежде чем переступила порог, раз-другой сознательно прошла мимо.

И вот я сидела здесь, на крутящемся стуле, и чувствовала, что выдала себя с головой. Растопыренные пальцы парикмахера, напоминавшие пальцы пианиста, скользили по моим волосам, ниспадавшим почти до бедер, раз, другой, третий, прочесывали их от корней волос до самых кончиков. Восхищение его казалось нескрываемым, подошла напарница, назвалась Катей и тоже принялась терзать мои волосы. Прикосновения обоих вызывали во мне неприятное чувство,

Мелани Раабе

слишком они были интимные, все эти долгие годы только одному человеку позволялось трогать мои волосы, он любил их, он зарывался в них лицом, он осушал ими слезы. Но я смирилась — пусть тешатся, и делала вид, будто их комплименты мне приятны. Когда-нибудь они успокоятся, Катя вспомнит про клиентку и снова займется удлинением волос.

— Итак, — сказал парикмахер, в очередной раз запустив руку в мои волосы. — Подровнять кончики?

В горле у меня пересохло, и я, с трудом слотнув, уточнила:

— Все состричь.

Парикмахер, чье заковыристое имя я не могла запомнить, издал короткий смешок, но тут же смолк, сообразив, что я ему не компания, что мне не до шуток. Он внимательно смотрел на меня. Я копалась в сумочке, я ведь подготовилась, и наконец-то нащупала страничку, вырванную из журнала мод. Выудила ее и протянула парикмахеру, ткнув пальцем в фотографию на самом верху.

— Вот так, — выпалила я. И для поднятия духа еще раз повторила: — Так. Я хочу так.

Мастер взял листок и стал внимательно его изучать, он было нахмурился, но постепенно вертикальная морщинка, разрезавшая его лоб пополам, разгладилась. Посмотрел на меня, потом опять на картинку, и, в конце концов, согласно кивнул.

— О'кей.

Я вздохнула с облегчением, к счастью, никого не пришлось убеждать. Я уже взрослая женщина. Терпеть не могу, когда другие воображают, будто им виднее, что для меня лучше. Патрис, я вдруг вспомнила, как

Истина

зовут парикмахера, его звали Патрис. Он достаточно опытен и даже не подумал меня отговаривать. Приготовился, разложил перед собой инструменты: ножницы самых разных видов и расчески, щетки, волшебные жидкости, спреи и фен с причудливыми насадками. Ручное зеркало скользнуло с гладкой поверхности на пол. Патрис чертыхнулся, поднял его, повернул и увидел лопнувшее стекло.

— Разбитое зеркало предвещает семь лет неудач, — возвестила я.

Взгляд, испуганный как у серны, остановился на мне, и парикмахер засмеялся нервным смешком. Я уже жалела о том, что брякнула, могла бы обойтись без комментариев, хотела состричь, но, кажется, только напугала беднягу. Здорово, наверное, когда есть чего бояться. Ведь это, в конце концов, только означает, что беды еще не начались. Меня бы ничуть не тронуло, расколоти я хоть всю зеркальную комнату.

Семь лет назад мой муж бесследно пропал во время командировки по Южной Америке. С тех пор жизнь моя стояла на паузе, я ждала. Семь лет надежд, тревог и чувства абсолютной потерянности, порой настолько сильного, что больше всего на свете мне хотелось вырвать с корнем любое воспоминание о Филиппе. Хотя это вряд ли бы помогло. Ощущение утраты стало частью моего ДНК.

Семь лет неудач уже позади.

Патрис молча принес другое зеркало. Потом осторожно собрал большие осколки и метелкой замел остальное. Я больше не произнесла ни слова, пусть делает свое дело. Внутри меня шла другая борьба. Я закрыла глаза, провела пальцами по волосам, так нежно, словно касалась самого драгоценного. Осто-

Мелани Раабе

рожно. Как это делала много лет назад мама, как это делал Филипп — но после него не делал никто. Филипп играл моими волосами.

Мне вспомнилась наша первая ночь: весь ее драматизм, вокруг вода и звезды над головой, мои мокрые волосы, словно занавесом упавшие на обнаженные плечи. Я увидела Филиппа, капли воды в волосах. Тишина, только наше дыхание и темень. Мир сделался вдруг маленьким, сжался настолько, что в нем осталось место только для нас двоих. Кокон из тишины и звезд. И рука Филиппа в моих волосах.

Я стряхнула воспоминания и вернулась к реальности, увидела себя в зеркале, те же волосы, как тогда, но другую женщину. Патрис собрал все осколки и стоял теперь за моей спиной. С ножницами наготове. Левой рукой он подхватил мои волосы и приподнял. Потом отыскал в зеркале мои глаза.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — подтвердила я.

Он без лишних слов пустил ножницы в ход.

Волосы мои вскрикнули, я услышала это совершенно явственно. Звук серебристый и ломкий, похожий на хныканье ребенка, почти шепелявящий. Я закрыла глаза.

Патрис работал молча. Ловко и продуктивно. Скоро не осталось уже ничего, никаких волос, по которым хотелось бы мечтательно провести рукой.

Я оплакивала их, три крупные немые слезы упали на пол, как первый снег. Я вытерла слезы, расплатилась, встала и покинула салон. Жизнь пошла дальше. Наконец-то.

Истина

3

Чувство подступающей тошноты, подобное тому, какое испытываешь на американских горках, охватывает тебя тогда, когда ты совершил нечто необратимое — разбил в полном уме и памяти бесценную фамильную реликвию, выложил, наконец, какую-то страшную правду или отрезал косы — это чувство еще не отпустило, когда я входила в дом. Я не могла описать его по-другому, я не сильна в словах. Но оно, как самогон, вызывало теплое бурление в области живота. Я слышала эхо своих шагов, отражавшееся от стен. Особняк, который остался мне от Филиппа, на долгие годы сделался моим домом, но я по-прежнему не чувствовала себя здесь полной хозяйкой. Вся обстановка, выдержанная с ганзейской хладнокровностью, так же мало подходила ко мне, как и прическа маленького эльфа, которую я всю жизнь носила. Может, лучше съехать отсюда, подумала я. Поселиться в каком-нибудь другом месте. Более подходящем для Лео и для меня.

Я отогнала эту мысль.

Вошла в ванную комнату и стала отмывать с рук город, изучая в зеркале над раковиной свое отражение. С тех пор как я носила в себе тайну, меня не покидало чувство, что ее запросто может прочесть каждый встречный, прочесть по моим глазам — но глаза обманчивы. И они, по крайней мере, ничуть не изменились. Я примерилась, одарив улыбкой коротко стриженную брюнетку, которая походила уже не на фею, но скорее на мальчишку, и мне ответили тем же. А почему бы и нет? — заключила я, бросив еще один взгляд

Мелани Раабе

на свою мальчишескую прическу, вышла из ванной, отволокла сумки с покупками на кухню и только собралась заняться приготовлением ужина, как тут же вспомнила про него. Про пластиковый пакет, который всучил мне парикмахер.

Я направилась к гардеробу, взяла сумочку и достала из нее пакет с волосами. Разумеется, я совершенно не представляла себе, как поступить с этим трофеем. Ясно было одно: я не собираюсь хранить такое как сентиментальная идиотка. Стоит только начать и тогда... Мне не хватало сил додумать мысль до конца. И без того в доме обитало достаточно духов, волосы для забав им не нужны.

Больше не колеблясь, я спустилась по черной лестнице на улицу и взяла курс под маленький навес, к мусорным бачкам. Странное ощущение — нести свои собственные волосы, держать в руках то, что когда-то было частью меня.

Только не разводи нюни, никакой сентиментальности, приказала я самой себе. Потом развязала слабый узел, затянутый парикмахером, и вытряхнула волосы в бак для органических отходов. На несколько секунд я закрыла глаза и снова увидела руку Филиппа в моих волосах, в маленьком углублении между шеей и затылком. И вдруг почувствовала, как стеснило грудь, как разгорячились щеки, и перехватило дыхание. Я поскорее отогнала мысли, посетившие меня в первый раз на поляне. Лесные духи. Они исчезли, внутренне сопротивляясь, что-то бормоча, хихикая. Дыхание восстановилось. Я снова пришла в себя. Увидела, что все еще топчусь за домом и держу в руке крышку от мусорного бака. Отрезанные волосы валялись теперь где-то там, в куче завядших цветов, ко-

Истина

фейных фильтров, апельсиновой кожуры, картофельных очистков и яичной скорлупы. Я отвела взгляд, закрыла бачок и вернулась в дом.

Я ждала солнечного затмения с некоторой опаской. Ждала невыносимо долго, часто думая о том, какие чувства будут меня обуревать. Пугали старые раны, старые вопросы, которые в этот день непременно грозили выплыть на поверхность как разный скарб во время опустошительного потопа. И вот этот день наступил, и, казалось, шел своим чередом вхолостую, подобно бесконечной веренице других дней, ему предшествовавших. Он не унес меня с собой, я все еще здесь. И больше я не чувствовала ни боли, ни горечи. Вышла из парикмахерской в полной уверенности, будто натворила что-то ужасно волнующее, запретное. Как подросток, выкуривший тайком свою первую в жизни сигарету. Я чувствовала легкую слабость в животе, а еще — как же иначе — головокружение и свободу.

Я разобрала покупки, сложила в большой бумажный пакет то, что предназначалось для соседки, госпожи Тайс, и поставила его в сторону. Позже попрошу Лео, и он ей все занесет. Вот уже почти год я закупала продукты для этой пожилой женщины, которая с трудом ходила и не имела своей машины, и попутно развлекала ее всякой болтовней; она, конечно, немного странноватая, да что с того. Но сегодня я не испытывала ни малейшего желания вести с ней беседы.

Предстояло еще кое-что сделать. Приготовиться к ужину и потом забрать Лео от Мириам. Хорошо бы застать лучшую подругу одну. Пока не вернулся домой Мартин. Я ощущала потребность кому-нибудь рассказать о том, что сделала. Или, вернее, чего не сделала.

Мелани Раабе

Значит, самое разумное — поторопиться. Я взяла курочку, только что купленную в магазине здорового питания, и положила ее на доску. Курочка едва не выскользнула у меня из рук. Сказывалась нервозность. Я попробовала себя утешить: мол, ничего сверхъестественного тут нет. Просто парочка приятелей придет на ужин. Ничего сверхъестественного. Вообще-то. Если не считать того, что вот уже несколько лет никто из приятелей сюда не приходил.

Все меняется, ободряюще сказала я самой себе и достала бутылку оливкового масла, соль, перец, пучок тимьяна, за которым специально ходила на рынок, несколько стебельков петрушки, дольку чеснока, баночку с семенами фенхеля и два лимона, — теперь все готово. Я рассматривала продукты, аккуратно разложенные на доске, будто солдатики для игры. Подвергла экспертизе курочку. Я не готовила это блюдо уже целую вечность. Лео не любит курицу, да и вообще не слишком-то уважает мясо, в этом он совершенно походил на Филиппа, своего отца, который заделался вегетарианцем еще в юности, а я, когда мы стали жить вместе, под него подравнивалась. На мгновение я ощутила укол совести. Но потом все прошло. Теперь уже все равно. Я ждала гостей. И знала: среди них нет вегетарианцев, а значит будет курочка, салат и картошка.

Я сделала глубокий вдох, заправила за ухо несуществующую прядь, распаковала курочку. Во всей своей откровенной наготе она имела грустный и до смешного нелепый вид — без головы, без перьев. Несколько секунд во мне шла внутренняя борьба, но потом, набравшись храбрости, я положила руку на мертвую кожу и не почувствовала ничего, только холодок, труп-

Истина

ный холодок. Жизнь, когда-то теплившаяся в этой маленькой нескладной тушке, давно улетучилась, куда — бог его знает. И я вдруг подумала: как странно, я стою здесь и собираюсь приготовить блюдо из того, что еще недавно бегало и клевало зернышки. Я поскорее отогнала эти мысли. Это мысли Филиппа, не мои, после стольких лет в моей голове все еще сидели мысли Филиппа. Хватит уже, покончим с этим.

Я взяла курочку двумя руками, промыла ее под водой, слегка промочила бумажным полотенцем. Мельком посмотрела в рецепт, который раскопала в какой-то старой поваренной книге, удостоверилась, что ничего не напутала.

Потом оторвала листочки тимьяна, добавила их вместе с солью и оливковым маслом в ступу и стала растирать. Когда я закончила, кухня наполнилась терпким запахом трав, я обмакнула руки в заправку и принялась натирать курицу. Мне казались противоестественными все эти архаичные, оккультные действия, травы, масла и мертвые звери. Ведьмино ремесло. Я наблюдала за собой, за всеми своими движениями, словно в кино.

Тщательно натерев курочку со всех сторон, нарезала лимон, выдавила дольку чеснока, оборвала листочки со стеблей петрушки. Осталось только начинить всем этим тушку. Прежде, много лет назад, когда запеченная в духовке курица занимала первую строчку в списке моих любимых блюд, я проделывала все это машинально. Теперь же мной овладевали сомнения. Но я взяла себя в руки. Стала начинять курочку лимоном, травами и чесноком, пока не забила под завязку. Внутренности у нее холодные, холодные и мертвые, то что от курочки осталось, набили цитрусовыми,